

№ 318, 331, 338
II 36
Воскресенье, 19 марта 1922 г.

№ 338.

Выходит ежедневно.

РЕДАКЦИЯ:

Рига, Романовская ул. № 14, кв. 7.
Телефон № 12-01.

Применение ежедневно от 6 до 6 час.
Почтовый ящик 420.

КОНТОРА:

Рига, Романовская ул. № 14, кв. 7

Открыта от 10 до 6 час.

НОВЫЙ ПУТЬ

Цена 5 руб.

Цена в Москве 12.000
в провинции (в России) 15.000

Подписка: плата за месяц с доставкой для иногородних 125 р., в Бельгии и Франции 10 фр., Швейцарии, Норвегии и Дании 3 шр., Англии 4 шил., Австрии и Германии 75 г. и., Италии 10 лир, Америке 1/2 дол., Финляндии 30 ф. и. Объявления за границу по тарифу или по тарифу «шоу» по месту:

фирмы и увесел. учр.	10 руб.
прочие	5 .
в тексте	30 .
загран. объявл. за 4 стр.	4 с. и.
в тексте	10 .

2

Исповедь Ставрогина.

Неизданная глава романа „Бесы“ Ф. М. Достоевского.

В выходящей на днях очередной (15-ой) книжке „Былого“ будет напечатан замечательный литературно-художественный документ — неизданная глава романа Достоевского „Бесы“ — „Исповедь Ставрогина“.

Документ этот в подлиннике находится в архиве Достоевского, принадлежащем Пушкинскому Дому Российской Академии Наук. Написан он рукой жены Достоевского и является копией с неизвестного до сих пор автографа великого писателя. Согласно известным литературным указаниям, эта глава романа (девятая глава — „у Тихона“) была выброшена из него, по требованию Каткова, редактора „Русского Вестника“, где „Бесы“ печатались. Отсюда, между прочим, родились темные слухи, злые легенды, неясные и неопределенные клеветы на писателя, которого молва и слухи в конечном счете обвиняли в преступном сладострастии, в каких-то лич. половых преступлениях, в уголовных операциях над малолетними. Еще недавно один из таких литературных слухов, очевидно, руководясь тем же источником слухов, сочинил небывалую мерзость относительно Достоевского, приписав ему грязно-темное дело в одной из петербургских бань.

И все это рождено фарисейской цензурой Каткова, высокая мораль которого не допустила на страницы своего благонамеренного журнала блестящих, изумительных страниц, настоящих жемчужин жуткого, гениально-глубокого творчества Достоевского. Ибо другого источника для рождения властной и злобной легенды не было и быть не могло.

А Достоевский, между тем, еще в 1866 году рассказывал своим друзьям, как волнует его тема о жестоко обиженной девочке: роман на эту тему складывался в его душе еще в пору молодости... Эта тема непрестанно его преследовала, являясь одной из граней его художественных заданий.

Воспроизводим ниже чудные страницы, отражающие волнуемую, трепетную душу писателя, с революционной решимостью ставящего моральные вопросы и бросающего человечеству громкий укор за его неправду по отношению к детям, которых Достоевский возлюбил превыше всего.

Предоставляем читателям услышать „умолкнувший звук божественной речи“ и „старца великого темь почуять смущенной душой“.

Ник. Ашешов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

У Тихона.

I.

Николай Всеволодович в эту ночь не спал и всю просидел на диване, часто устремляя неподвижный взор в одну точку в углу у комода. Всю ночь у него горела лампа. Часов в семь поутру заснул сидя, и когда Алексей Егорович, по обычаю, раз на всегда заведенному, вошел к нему ровно в половине десятого с утренней чашкой кофе и появлением своим разбудил его, то, открыв глаза, он, казалось, неприятно был удивлен, что мог так долго проспать и что так уже поздно. Наскоро выпил он кофе, наскоро оделся и торопливо вышел из дому. На осторожный вопрос

Алексея Егоровича: „не будет ли каких приказаний?“ — ничего не ответил. По улице шел, смотря в землю, в глубокой задумчивости и, лишь мгновениями подымая голову, вдруг выказывал иногда какое-то неопределенное, но сильное беспокойство. На одном перекрестке, еще недалеко от дому, ему пересекла дорогу толпа проходивших мужиков, человек в пятьдесят или более; они шли чинно, почти молча, в нарочном порядке.

У лавочки, возле которой с минуту пришлось ему подождать, кто-то сказал, что это „Шингулинские рабочие“. Он едва обратил на них внимание. Наконец, около половины одиннадцатого дошел он к

воротам нашего Спасо-Ефимьевского Богородского монастыря, на краю города, у реки. Тут только он вдруг как бы что-то вспомнил, остановился, наскоро и тревожно пощупал что-то в своем боковом кармане и — усмехнулся. Войдя в ограду, он спросил у первого попавшегося ему служки: как пройти к проживавшему в монастыре на покое архiereю Тихону. Служка принялся кланяться и тотчас же повел его. У крылечка, в конце длинного двухэтажного монастырского корпуса, властно и проворно отбил его у служки повстречавшийся с ними толстый и седой монах и повел его длинным узким коридором, тоже все кланяясь (хотя по толстоте своей не мог наклониться низко, а только дергал часто и отрывисто головой) и все приглашал пожаловать, хотя Ставрогин и без того шел за ним. Монах все предлагал какие-то вопросы и говорил об отце архимандрите; не получая же ответов, становился все почтительнее. Ставрогин заметил, что его здесь знают, хотя, сколько помнилось ему, он здесь бывал только в детстве. Когда дошли до двери в самом конце коридора, монах отворил ее как бы властной рукой, фамильярно осведомился у подскокившего келейного, можно ли войти, и, даже не выждав ответа, отмахнул совсем дверь и наклонившись пропустил мимо себя „дорогого“ посетителя; получив же благодарность, быстро скрылся, точно бежал.

... Николай Всеволодович вступил в небольшую комнату, и почти в ту же минуту в дверях соседней комнаты показался высокий и сухошавый человек, лет пятидесяти пяти, в простом домашнем подряснике и на вид будто несколько больной, с неопределенною улыбкою и с странным, как бы застенчивым взглядом. Это и был тот самый Тихон, о котором Николай Всеволодович в первый раз услышал от Шатова и о котором он с тех пор успел собрать кое-какие сведения. Сведения были равнообразны и противоположны, но имели и нечто общее, именно то, что любившие и не любившие Тихона (а таковые были), все о

нем как-то умалчивали — не любившие, вероятно, от пренебрежения, а приверженные и даже горячие от какой-то скромности, что-то как будто хотели утаить о нем, какую-то его слабость, может быть, юродство. Николай Всеволодович узнал, что он уже лет шесть, как проживает в монастыре, и что приходят к нему и из самого простого народа, и из знатнейших особ; что даже в отдаленном Петербурге есть у него горячие почитатели и преимущественно почитательницы. Зато услышал от одного осанистого нашего „клубного“ старичка, и старичка богомольного, что „этот Тихон чуть-ли не сумасшедший, по крайней мере, совершенно бездарное существо и без сомнения выпивает“. Прибавлю от себя, забегая вперед, что последнее — решительный вздор, а есть только одна закоренелая ревматическая болезнь в ногах и по временам какие-то нервные судороги. Узнал тоже Николай Всеволодович, что проживавший на покое архiereй, по слабости-ли характера или „по непростительной и несвойственной его сану рассеянности“ не сумел внушить к себе, в самом монастыре, особого уважения. Говорили, что отец архимандрит, человек суровый и строгий относительно своих настоятельных обязанностей и сверх того известный ученостью, даже читал к нему некоторое, будто бы враждебное чувство и осуждал его (не в глаза, а косвенно) в небрежном житии и чуть-ли не в ереси. Монастырская же братия тоже как будто относилась к большому святителю не то, чтоб очень небрежно, а так сказать, фамильярно. Две комнаты, составлявшие келью Тихона, были убраны тоже как то странно. Рядом с дубоватою старинною мебелью с протертой кожей стояли три — четыре вязанные вещицы, богатейшее покойное кресло, большой письменный стол превосходной отделки, изящный резной шкаф для книг, столики, этажерки, все дареное. Был дорогой бухарский ковер, а рядом с ним и циновки. Были гравюры „светского“ содержания и из времен мифологических, а тут же в углу большой киот с сиявшими золотом и се-

реброциковскими, из которых одна древнейших времен с иконой. Библиотека тоже, говорили, была составлена слишком уже многообразно и противоположно рядом с сочинениями великих святителей и подвижников христианства находились сочинения театральные, „а может быть, и еще хуже“.

После первых приветствий, прояснивших почему-то с явным, обобщенным невольностью, поспешно и даже неразборчиво, Тихон провел гостя в свой кабинет и усадил на диване, перед столом, а сам поместился подле, в плетеных креслах. Николай Всеволодович все еще был в большой рассеянности, от какого-то внутреннего подавляющего его возмущения. Похоже было на то, что он решился на что-то чрезвычайное и неоспоримое, и в тоже время почти для него невозможное. Он с манутой осматривался в кабинете, видимо, не замечал рассматриваемого; он думал и, конечно, не знал о чем. Его разбудила тишина, и ему вдруг показалось, что Тихон как будто стыдливо потупляет глаза и даже с какой-то ненужной, смешной улыбкой. Это мгновенно возбудило в нем отвращение; он хотел встать и уйти, тем более, что Тихон, по мнению его, был решительно пьян. Но тут вдруг поднял глаза и посмотрел на него таким твердым и полным мысли взглядом, а вместе с тем, с таким неожиданным и загадочным выражением, что он чуть не вздрогнул. Ему с чего-то показалось, что Тихон уже знает, зачем он пришел, уже преуведомлен (хотя в целом мире никто не мог знать этой причины) и если не заговорит первый сам, то шая его, пуганье его унижения.

— Вы меня знаете? — спросил он вдруг отрывисто, — рекомендовали в вам или нет, когда вошли? Я так рассеян...

— Вы не рекомендовались, но я имел удовольствие видеть вас однажды, еще года четыре назад, здесь в монастыре... случайно.

Тихон говорил очень не спешно и ровно, голосом мягким, ясно и отчетливо выговаривая слова.

Г б.

3

— Я был в здешнем монастыре четыре года назад, — даже как-то грубо возразил Николай Всеволодович, — я был здесь только маленьким, когда вас тут совсем не было...

— Может быть, забыли? — осторожно и не настаивая, заметил Тихон.

— Нет, не забыл; и смешно, еслиб я не помнил, — как-то не в меру настаивал Ставрогин, — вы, может быть, обо мне только слышали и составили какое-нибудь понятие, а потому и сбились, что видели.

Тихон смолчал. Тут Николай Всеволодович заметил, что по лицу его проходит иногда нервное содрогание, признак давнишнего нервного расслабления...

— Я вижу только, что вы сегодня нездоровы, — сказал он, — и кажется лучше, еслиб я ушел.

Он даже привстал с места.

— Да, я чувствую сегодня и вчера сильные боли в ногах и ночью мало спал.

Тихон остановился. Гость его снова и внезапно впал опять в свою давешнюю неопределенную задумчивость. Молчание продолжалось долго, минуты две.

— Вы наблюдали за мной? — спросил он вдруг тревожно и подозрительно.

— Я на вас смотрел и припоминал черты лица вашей родительницы. При несходстве внешнем много сходства внутреннего, духовного.

— Никакого сходства, особенно духовного. Даже со — вер — шеи — но никакого! — затревожился опять без нужды и не в меру настаивая, сам не зная почему, Николай Всеволодович, — это вы говорите так... из сострадания к моему положению и вздор? — брякнул он вдруг. — Ба! разве мать моя у вас бывает?

— Бывает.

— Не знал. Никогда не слышал от нее. Часто?

— Почти ежемесячно; и чаще.

— Никогда, никогда не слышал. Не слышал. А вы, конечно, слышали от нее, что я помешанный? — прибавил он вдруг.

— Нет, не то, чтобы как о помешанном. Впрочем, и об этой идее слышал, но от других.

— Вы, стало быть, очень внимательны, коли могли о таких пустяках припомнить. А о пощечине слышали?

— Слышал нечто.

— То есть все. Ужасно много у вас времени лишнего. И о дуэли?

— И о дуэли.

— Вы много очень здесь слышали. Вот где газет не надо. Шатов предупреждал вас обо мне? А?

— Нет. Я, впрочем, знаю господина Шатова, но давно уже не видал его.

— Гм. Что это у вас там за карта? Ба, карта последней войны. Вам-то это зачем?

— Справлялся по ландкарте с текстом. Интереснейшее описание.

— Покажите; да это недурное изложение. Странное однако же для вас чтение.

Он придвинул к себе книгу и мельком взглянул на нее. Это было одно объемистое и талантливое изложение обстоятельств последней войны, не столько в военном, сколько в чисто-литературном отношении. Повертев книгу, он вдруг нетерпеливо отбросил ее.

— Я решительно не знаю, зачем я пришел сюда? — брезгливо произнес он, смотря прямо в глаза Тихона, будто ожидая от него же ответа.

— Вы тоже как бы нездоровы?

— Да, нездоров.

И вдруг он, впрочем в самых кратких и отрывистых словах, так что иное трудно было и понять, рассказал, что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и „разумное“, „в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же, а я всегда злюсь“...

Дика и сбивчивы были эти открытия и действительно как бы шли от помешанного. Но при этом Николай Всеволодович говорил с такою странною откровенностью,

невиданною в нем никогда, с таким простодушием, совершенно ему не свойственным, что, казалось, в нем вдруг и нечаянно исчез прежний человек совершенно. Он несколько не постыдился обнаружить тот страх, с которым говорил о своем привидении. Но все это было мгновенно и так же вдруг исчезло, как и явилось.

— Все это вздор, — быстро и с неловкой досадой проговорил он, спохватившись. — Я схожу к доктору.

— Несомненно сходите, — подтвердил Тихон.

— Вы так говорите утвердительно... Вы видели таких, как я, с такими видениями?

— Видывал, но очень редко. Запомню лишь одного такого же в моей жизни, из военных офицеров, после потери им своей супруги, незаменимой для него подруги жизни. О другом лишь слышал. Оба были излечены за границей... И давно вы сему подвержены?

— Около году, но все это вздор. Я схожу к доктору. И все это вздор, вздор ужасный. Это я сам в разных видах и больше ничего. Так как я прибавил сейчас эту... фразу, то вы наверное думаете, что я все еще сомневаюсь и не уверен, что это я, а не в самом деле бес?

Тихон посмотрел вопросительно.

— И... вы видите его действительно? — спросил он, то есть, устраняя всякое сомнение в том, что это несомненно фальшивая и болезненная галлюцинация, — видите ли в самом деле какой-нибудь образ?

— Странно, что вы об этом настаиваете, тогда как я уже сказал вам, что вижу, — стал опять раздражаться с каждым словом Ставрогин, — разумеется, вижу так, как вас... а иногда вижу и не уверен, что вижу, хоть и знаю, что правда: я или он... вздор это. А разве никак не можете предположить, что это в самом деле бес? — прибавил он, засмеявшись и слишком резко переходя в насмешливый тон, — ведь это было бы сообразнее с вашей профессией?

(Продолжение следует).